

Неделя сыропустная. Воспоминание Адамова изгнания. Прощеное воскресенье

Мф. 17 зач., 6, 14—21

«Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших». Почему накануне Великого поста Господь говорит об этом? Цель и смысл Поста заключается в том, чтобы мы стяжали сокровище. Не то сокровище, которое собирается здесь, на земле, где тля и моль тлит, и ржавчина разъедает, где воры подкапывают и крадут (и где много этого сокровища, они там и подкапывают), а то сокровище, которое на небесах. Не то сокровище, где всегда неизбежен распад, а то сокровище, которое ставит нас перед лицом Бога Живаго, перед Его любовью, потому что — где сокровище наше, там и сердце наше будет. И где любовь Божия, где радость Христова о каждом кающемся грешнике, о каждом из нас, там и сердце наше будет среди Пасхи Господней.

Подлинное прощение невозможно без исповедания полноты веры, и подлинное прощение невозможно без жизни по вере, без отвержения всякой лжи и всякого зла. Иными словами, мы призываемся понять две вещи. Во-первых, что прощение невозможно там, где нет признания греха, и, во-вторых, — прощение невозможно, если оно не исходит от Бога. Отрицание греха делает прощение, по крайней мере, излишним.

Мы живем в мире, где все делается, чтобы отменить в массовом сознании само понятие греха, отменяя заповедь Божию и нравственный закон. Если не существует больше нравственного закона, не существует и греха. И непонятно, о каком прощении может идти речь. Чем углубленней человек живет духовной жизнью и, значит, чем больше он узнает, как страшен грех, тем сильнее нуждается он в прощении от Бога, от другого человека. И тем легче способен он сам простить.

Ужаснее всего, как всегда, равнодушие, делание вида, что все в порядке («ничего особенно прощать»), желание не видеть человека, оставить его и забыть о нем; думать, что простил, отвернувшись от человека, затворив от него сердце. Но горечь, которая остается, может вырасти в ненависть. Современный человек часто ищет примирения, чтобы не быть захваченным неприятными отрицательными чувствами, чтобы не осложнять себе жизнь. Это означает «прощать, не прощая», обманывая себя и других.

Драгоценней всего — сделать первым шаг к другому, и этот шаг будет твердым, если он будет совпадать с тем, что мы идем, начинаем идти, попирая всякий грех. Прощение — чудо. Оно творится Богом из ничего. Прощение нельзя создать. Его получают сверх сметы, сверх меры, сверх ожидаемого. Оно — благодать. Здесь точка нашего личного соприкосновения с Богом. И с Крестом. Ибо где умножился грех, там преизобилует благодать. И эта благодать нас преображает, делает другими. Только получив от этой жизни с избытком, мы можем щедро дать другим. В самом деле, как молиться за убивающих нас, если прощение не исходит от Бога? Это дар Бога, не наше достижение. Потому наше примирение друг с другом утверждается в Таинстве исповеди — Таинстве покаяния, и оно должно быть особенно глубоким Великим постом.

Только даром Божиим, Его благодатью и нашим участием в этом даре — трудом сорокадневного поста — можем мы научиться дару прощения. Нельзя заставить простить, так же как нельзя заставить любить. И Господь нас не заставляет прощать, Он как бы говорит: «Вы можете не прощать, вы можете поступать так, как хотите», — потому что если бы Он заставил нас простить, то такое прощение не было бы нашим. Это было бы Божие прощение, а к нам не имело бы никакого отношения. Подлинную цену имеет только то, что делается свободно и сознательно, когда сам человек понимает, что он должен простить. Господь только предупреждает, что если мы не прощаем, то и Он нас не простит. И если мы молимся в молитве Господней: «и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим», понимая значение этих слов, и одновременно говорим: «Я никогда и ни за что не прощу этого человека», — значит, мы вполне сознательно просим Господа, чтобы Он никогда и ни за что не прощал нас и наши грехи.

На Святой Афонской Горе существует такой обычай: если кто-то из братии находится с кем-нибудь во вражде, он должен убрать из Господней молитвы эти слова. Он не имеет права их произносить, если не хочет, чтобы они были ему в суд и во осуждение. Но как убрать из молитвы Господней хоть одно слово, если эта молитва, как говорят святые отцы, — краткая запись всего Евангелия? И если кто-нибудь

вычеркнет хотя бы одно слово из этой Книги жизни, говорит нам Божественное Откровение (Откр. 22, 19), Господь вычеркнет из Книги жизни имя того человека. Тяжесть наших грехов, и крупных, и самых мелких, которые, как горы, накапливаются изо дня в день, будет возрастать, а когда мы перейдем в вечность, будет давить нас вечной безысходностью.

«Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, — говорит Христос, — ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою». Для того чтобы пост был для нас осмысленным, он не должен быть лицемерным. Мы не должны ничего делать напоказ, с тем, чтобы нас увидели другие и похвалили. Как только это происходит, мы теряем свою награду от Господа.

«А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое». Что значит помазать голову елеем? Голова — это ум, говорят святые отцы. Надо позаботиться о том, чтобы мысли наши были чистыми. Но и слова наши не должны быть злыми, скверными и пустыми. О слове, так же, как и о мыслях, в течение всего Поста нам будет напоминать молитва: «Положих, Господи, хранение устом моим и дверь ограждения о устнах моих» — слово Господне, которое обращено к последнему Суду, к самой Пасхе Христовой. «От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф. 12, 37). Не только за слово скверное, гнилое, но и за «всякое слово праздное, какое скажут люди, дадут они ответ в день Суда» (Мф. 12, 36). Праздным словом прежде всего является не просто бессмысленное или лживое, а правдивое и истинное, но которое мы делаем праздным, когда употребляем святые слова всуе, как ничего не значащие.

Мы живем в мире, где самая главная война идет против человека; против единственного словесного существа — человека. Все делается для того, чтобы слова стали бессмысленными. Чтобы не только потопить всех в океане лживых слов, которые ежедневно обрушиваются на нас, но и святые слова смешать со словами лживыми и скверными. И чтобы мы тоже приняли в этом участие. Если мы поддаемся врагу, то горе нам. Для того и предлагается нам пост, чтобы мы помнили, что есть самое главное; чтобы мы помазали главу свою: свой ум, свое слово — елеем смысла, добра, веры, правды и чистоты, и чтобы слово наше стало живым, как и мысли.

Слова Евангелия «помажь главу» относятся, конечно, ко всему внутреннему человеку, к сердцу нашему, — чтобы из сердца не исходила ни зависть, ни ненависть, ни злоба, ни вражда, никакая похоть, ничего грязного. Чтобы внутренний наш человек — душа наша — была помазана благодатью Духа Святого. Чтобы наша ожесточенная, окаменевшая, мертвая душа за то, что она хранит этот Пост, по дару Христову, по Его благодати, получила благоуханное помазание Духа Святого, когда завершится Великий пост, и мы предстанем перед Христом Распятым и Воскресшим.

А что значит умыть свое лицо водою? Лицо, говорят святые отцы, — это внешний наш человек. Что у нас на лице? — Глаза, чтобы мы обратили внимание на то, куда мы смотрим, где блуждает наш взор среди этого, всеми красками греха переливающегося, изменчивого мира, лежащего во зле и во лжи. Чтобы, само собой, исключались Великим постом, все сомнительные телевизионные программы, и мы не уподоблялись такому человеку, который воздерживается от мяса в течение всего Поста и вместе с тем пожирает своими глазами всякую нечистоту, как тот блудный сын, который сел за один стол с грязными, шумно чавкающими свиньями — за бесовскую трапезу, которую предлагают нам сегодня средства массовой информации. Мы должны быть глухими, как говорит апостол Павел, и слепыми, смотря по обстоятельствам. Все тело наше должно быть не вертепом разбойников, а храмом Божиим.

Господь говорит, чтобы вначале мы помазали голову, а потом уже умыли лицо. Голову помазали, а потом лицо, потому что внутреннее должно идти впереди внешнего. Не то, что Он внешнее считает незначительным. Нет, внешнее очень значительно. Кто не постится во Святую Четыредесятницу без уважительной причины, «да никакоже причастится» — правило святых отцов, которое никто не может отменить, ибо оно дано Духом Святым. Но что главнее — душа или зеркало души?

Самый главный пост — воздержание от себялюбия, от нашего «я». Наш пост должен быть «перед Отцом, Который втайне». Господь говорит, чтобы наш пост был втайне — там, где мы с Отцом Небесным. Мы должны научиться поститься у Бога, ибо пост имеет Божественное измерение. Отец, Сын и Святой Дух живут друг для друга. Никто из Них не живет для Себя. Бог — общение, превосходящее все, что мы можем помыслить. Этим единством общения Пресвятой Троицы должна жить Церковь. В тайне нашего сердца мы призваны молить Бога научить нас этому таинственному посту от нашего «я», чтобы сделаться способными отдавать свою жизнь другим. «Не собирайте себе сокровищ на земле, но собирайте себе сокровища на небе, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше». Господь говорит о небе, о Самом Отце, — как о сокровище, которое находится там, где сердце наше. Мы должны совершать наше очищение, изменять наше отношение ко всему на уровне сердечных глубин. Ибо наше смертное «я», то, что рождает смерть, стремится всегда обладать. Оно влекомо внешним, так что готово даже других людей превратить в объекты нашего обладания. Покаяние сердца, подлинная жизнь с Отцом Небесным заключается в освобождении от этого духа обладания. Если Христос Бог станет сокровищем любви, которое мы ищем, все остальное приложится нам. Все станет благодатью в нашей обновленной жизни, и рай наступит уже здесь и сейчас, Пасха Господня.

Использованы материалы Православие.ру

Ответственный редактор: архимандрит Сергей (Шагаев)
Технический редактор: священник Сергей Макаров
Верстка: Ирина Тимошина